

Литература

1. Альмедекер, Р. Реинкарнация. Жизнь после смерти / Р. Альмедекер. – М., 1991. – С. 230-248.
2. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992. – 197с.
3. Байер К. Здоровый образ жизни / К. Байер, Л. Шейнберг. – М.: МИР, 1997 – 368с.
4. Ваганов, А. Г. Вечная память / А. Г. Ваганов // Вопросы психологии. – М., 2000. – № 1.
5. Гаврилова, Т. А. Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога / Т. А. Гаврилова // Прикладная психология. – 2001. – № 6. – С. 1-6.
6. Гроф, С. Человек перед лицом смерти / С. Гроф, Дж. Хэлифакс. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 246 с.
7. Гуревич, П. С. О жизни и смерти. Жизнь земная и последующая. Сборник / П. С. Гуревич. – М., 1991. – С. 401-412.
8. Демичев, А. В. Фигуры танатоса / А. В. Демичев. – СПб., 1991. – 213 с.
9. Дубровина, Н. И. "Посмертный опыт" или "вспышка пережитого"? / Н. И. Дубровина // Человек. – 1991. – № 2.
10. Калиновский, П. П. Последняя болезнь, смерть и после / П. П. Калиновский. – М., 1991.
11. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб., 2000. – 987 с.
12. Лаврин, А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти / А. Лаврин. – М., 1993 – 509 с.
13. Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть. – М., 1995. – 510 с.
14. Моуди, Р. Дальнейшие размышления о жизни после жизни / Р. Моуди. – Киев, 1999 – С. 25-61.
15. Моуди, Р. Жизнь после жизни. По ту сторону смерти / Р. Моуди. – М., 1994. – С. 70-76.
16. Моуди, Р. Жизнь после жизни / Р. Моуди. – Лен-издат, 1991 – С. 90.
17. Психология среднего возраста, старения, смерти / под ред. А. А. Реана. – М., 2003. – 384 с.
18. Райгородский, Д. Я. Психология зрелости. Хрестоматия / Д. Я. Райгородский. – Самара, 2003.
19. Рассел, Б. Есть ли жизнь после смерти / Б. Рассел // Интернет: <http://tvasm.i-connect.com/atheism>.
20. Танатология (учение о смерти) / под ред. Решетникова М. М., Белкина А. И. – СПб., 1994. – 380 с.
21. Федорова, М. М. Образ смерти в западно-европейской культуре / М. М. Федорова // Человек. – № 5. – М., 1991.
22. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.
23. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М., 1999. – С. 34, 139.

УДК 159.2+616.89

А. В. Полетаева

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ОТДАЛЕННОМ ПЕРИОДЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

Сегодня проблема психологических последствий травматического опыта приобретает особую значимость в связи с ростом в различных регионах планеты антропогенных катастроф, «горячих точек» и террористических актов. Подобные события оказывают беспрецедентное по своим последствиям воздействие на человека, откладывая отпечаток на протекание всех психических процессов, имея тенденцию со временем закрепляться, переходя в личностные свойства и приводя впоследствии к необратимым изменениям личности. К числу наиболее значимых негативных психологических последствий влияния травматического события на человека относится развитие посттравматического стрессового расстройства личности (ПТСР).

Распространенность посттравматического стресса неодинакова в разных популяциях в различные периоды времени и зависит от частоты травматических событий. По данным исследований [4], в 90-е годы показатели частоты возникновения ПТСР существенно возросли. Если в 80-е годы они составляли 1 – 2 % от общей популяции, то в недавних исследованиях, опубликованных в США, они соответствуют 7,8 %. Можно полагать, что в России в связи с продолжающимся ухудшением социально-экономического положения с постперестроечного периода, массовым обнищанием целых слоев населения, крайне не-

стабильной социально-политической обстановкой, ростом преступности, эти показатели значительно превышают зарубежные. В этой связи объектом для исследования ПТС может выступать не только лица группы риска по развитию травматического стресса (участники военных действий, беженцы, бывшие заложники), но и люди, не относящиеся к числу потенциально подверженных негативному влиянию травматических событий.

До сих пор изучению роли смысловой сферы в переживании травматического события уделялось недостаточно внимания. И все же к настоящему моменту уже существует немало исследований, в которых содержится прямое или косвенное подтверждение связи кризисных состояний личности с особенностями ее смысловой сферы [1-3; 5; 6; 8]. Еще В. Н. Мясисев [6] высказывал мысль о том, что в психогениях патогенную причинную роль имеют нарушения отношений, понимаемые им как целостная система индивидуальных, избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Б. В. Зейгарник предполагала, что некоторые особенности личности, в том числе глубина и устойчивость ценностных установок, ориентация, способны воспрепятствовать разрушительному влиянию многих болезненных со-

стояний (например, при психической травме) или, по крайней мере, «отодвинуть» их [3; 8].

По мнению М. Ш. Магомед-Эминова [5, с. 31], травматическая ситуация способна изменить смысловую сферу личности в направлении формирования биполярной смысловой структуры, элементами которой будут являться смыслы, организованные вокруг идеи жизни, с одной стороны, и смерти – с другой. Также придерживаясь представления о наличии противоречия в смысловой системе личности, переживающей неблагоприятные психологические последствия травматического опыта, мы в то же время смещаем акценты на необходимость изучения функционирования смыслов настоящего в контексте формирования определенного отношения личности к будущему и прошлому опыту. Фиксация индивида на каком-либо одном смысловом локусе прошлого, настоящего или будущего ведет к нарушению осознания объективной реальности. Длительность такого процесса связана с неблагоприятными последствиями для личности: неспособностью смысловой переработки текущего опыта и установлением связей между событиями разных временных периодов, вследствие чего происходит деформация системы личностных смыслов [7].

Таким образом, целью настоящего исследования явилась эмпирическая проработка теоретических представлений о взаимосвязи проявлений посттравматического стресса со структурой смысловых ориентаций личности. В основу работы была положена гипотеза о том, что развитие посттравматических стрессовых реакций сопровождается перестройками в структуре смысловых ориентаций личности. Особенностью трансформации смысловой сферы личности, переживающей посттравматический стресс, является нарушение смысловой переработки и смыслового связывания событий, относящихся к различным временным модусам.

Методы

1. Для сбора информации о травматическом опыте испытуемых использовался опросник LEQ, разработанный в лаборатории ПТС ИП РАН научным коллективом под руководством Н. В. Тарабриной.

2. Признаки посттравматического стресса оценивались при помощи гражданского варианта Миссисипской шкалы (МШ) для оценки посттравматических реакций.

3. Структура смысловых ориентаций личности изучалась с использованием Теста смысловых ориентаций (СЖО), разработанного и адаптированного Д. А. Леонтьевым.

4. Для исследования особенностей мировоззрения и смысловой сферы испытуемых использовалась методика Ценностного спектра (ЦС) Д. А. Леонтьева. Методика представляет собой таблицу, строки которой заданы 18-ю наиболее базовыми человеческими ценностями согласно перечню бытийных ценностей А. Маслоу, а столбцы – такими категориями, как «Окружающий мир», «Человек», «Я», «Работа», «Дружба», «Любовь», «Семья», «Прошлое», «Настоящее», «Будущее». Задача испытуе-

мых состояла в том, чтобы в столбцах, соответствующих объектам, отметить галочками, какие из ценностей присущи каждому из них.

Выборка

Для изучения переживания ПТС лицами, не относящимися к числу потенциально подверженным травматическим событиям, т. е. представителями так называемой условной нормы, данное исследование проводилось на студенческой выборке. В исследовании приняли участие учащиеся 3, 4 и 5 курсов социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета специальностей «Социальная работа» и «Психология» дневной и заочной форм обучения. Общий объем выборки составил 101 человек, из них 12 человек (11,9 %) мужского пола, 89 человек (88,1%) – женского в возрасте от 19 до 40 лет ($M = 21,4$).

Результаты и их обсуждение

В соответствии с поставленными ранее исследовательскими задачами, в результате изучения посттравматических стрессовых реакций по Миссисипской шкале (МШ), было выделено две группы. В основу деления на группы была положена степень выраженности у испытуемых признаков посттравматического стресса. В результате подсчета средних ($M = 80$) и стандартного отклонений ($SD = 14,4$), в целом по студенческой выборке ($N = 101$) были определены высокие показатели посттравматического стресса (общ. балл МШ > 94), которые соответственно и учитывались нами при делении на группы.

Группа испытуемых, имеющих высокие показатели ПТС (общ. балл МШ > 94 , $M = 109$) получила условное название «группа 2», остальные (общ. балл МШ < 94 , $M = 76,5$) были определены в группу условной нормы под названием «группа 1».

Первую группу составили 91 человек (90,1 % от общ. выборки) в возрасте от 19 до 40 лет ($M = 21,6$), из них 11 человек (12,1 %) мужского пола, 80 человек (87,9 %) – женского.

Во вторую группу вошли 10 человек (9,9 % от общ. выборки) в возрасте от 19 до 21 года ($M = 20,4$), из них 1 человек (10 %) мужского пола, 9 человек (90 %) – женского. Все вошедшие в эту группу испытуемые отметили факт наличия в прошлом травматического события. У большинства испытуемых в этой группе травматическое событие произошло более года назад (80 %). У оставшейся части (20 %) с момента случившегося прошло от полугода до года. Согласно самоотчетам, количество пережитых потенциально травматических ситуаций во второй группе ($M = 9$), а также степень их влияния на жизнь ($M = 30$) значительно выше, чем в первой группе. Достоверность различий в количестве пережитых травматических событий испытуемых двух групп составила $p = 0,035$, в степени их влияния на жизнь – $p = 0,004$. Из потенциально травматических событий 89,5 % пришлось на срок более полугода назад, от месяца до полугода случилось 9,3 %, и срок давности 1,2 % событий составил менее месяца. По количеству событий сроком давности менее полу-

года и по степени их влияния на жизнь в настоящем в исследуемых группах не было обнаружено достоверно значимых различий, однако они были отмечены по количеству событий, произошедших более полугодом назад ($p = 0,04$). Если в первой группе их количество составило в среднем 5,4 по группе, то во второй было зафиксировано 7,7 событий.

Таким образом, можно заключить, что во второй группе, скорее всего, исключена вероятность острой стрессовой реакции на негативное событие, поскольку после последнего случившегося травматического события прошло не менее полугодия. Вероятно, в данном случае мы действительно имеем дело с отдаленными психологическими последствиями травматического опыта.

В исследовании восприятия психотравмирующего опыта и его влияния на человека мы сталкиваемся с проблемой неповторимой индивидуальности, поскольку приходится иметь дело с отдельными лич-

ностями и, следовательно, даже одно и то же событие воспринимается разными людьми неодинаково. Однако, несмотря на то, что такая множественность восприятий значительно ограничивает возможности исследования субъективного опыта, тем не менее в совокупности смыслов, порожденных травматическим инцидентом, оценок, которые он получает, можно попытаться проследить некоторые общие тенденции.

Травматическое событие оказывает беспрецедентное по своим последствиям влияние на мировоззрение человека, структуру его базовых убеждений [10], накладывает отпечаток на восприятие окружающего мира и события разных временных периодов [9]. Для изучения восприятия самого себя в контексте прошлого, настоящего и будущего мы сравнили ценностные спектры интересующих нас понятий при помощи методики Ценностного спектра (ЦС) в исследуемых выборках (табл. 1).

Таблица 1

Интеркорреляционные связи между ЦС различных категорий испытуемых первой группы

КАТЕГОРИИ	Я	Прошлое	Настоящее	Будущее
Окружающий мир	-	-	-	0,54
Человек	0,91	-	0,47	0,73
Я	1	-	0,59	0,74
Работа	-	-	-	-
Дружба	-	-	-	-
Любовь	-	-	-	0,71
Семья	-	-	-	0,69
Прошлое	-	1	-	-
Настоящее	0,54	-	1	0,75
Будущее	0,74	-	0,75	1

В первой группе наибольшее количество достоверных взаимосвязей было выявлено с категорией «Будущее», что говорит о значительной смысловой нагруженности этого понятия для исследуемых и его тесной взаимосвязи с категориями «Окружающий мир», «Человек», «Я», «Любовь», «Семья», «Настоящее». Для испытуемых первой группы будущее представляется закономерно связанным с событиями настоящего времени, с проецируемыми в него ожиданиями реализации наиболее важных для представителей студенчества ценностей. Нельзя не отметить полное отсутствие связей в рассматриваемой группе с категорией «Прошлое», что может указывать на восприятие прошлого как субъективно завершенного этапа жизненного пути, рассматриваемого как нечто уникальное и потому неповторимое.

У испытуемых с признаками ПТС понятиями, в наибольшей степени связанными с остальными рассматриваемыми категориями, оказались «Я» и «Будущее». Ценностный спектр понятия «Я» у лиц с ПТС практически не отличается от ценностного спектра того же понятия в первой, а в восприятии

категории «Будущее» обнаружены интересные различия. Во второй группе «Будущее» обнаружило значимые корреляции с ценностными спектрами тех же объектов, что и в первой группе («Окружающий мир», «Человек», «Я», «Семья»); однако не было отмечено взаимосвязи между «Будущим» и «Настоящим». Это дает основания для предположения о нарушении целостности временной перспективы у лиц с высокими показателями посттравматического стресса и преемственности событий разных временных периодов.

Для представителей юношеской группы, к которым относится и большинство испытуемых, принявших участие в нашем исследовании, естественна значимость рассмотрения будущего с точки зрения актуальных жизненных приоритетов реализации любви, что видно из наличия достоверной корреляционной взаимосвязи между понятиями «Будущее» и «Любовь» в первой группе. В данном контексте любопытно отсутствие такой связи, а также наличие интеркорреляций «Дружба» - «Прошлое» во второй группе (табл. 2).

Таблица 2

Интеркорреляционные связи между ЦС различных категорий испытуемых второй группы

КАТЕГОРИИ	Я	Прошлое	Настоящее	Будущее
Окружающий мир	0,47			0,61
Человек	0,71		0,52	0,59
Я	1		0,69	0,56
Работа				
Дружба		0,49		
Любовь				
Семья				0,64
Прошлое		1		
Настоящее	0,69		1	
Будущее	0,59			1

Мы считаем такую тенденцию неслучайной. Касательно данной методики, следует отметить, что, хотя характеристика предлагаемых объектов и основывается на перечне бытийных ценностей, такая дифференциация на «ценности» и «объекты» является очень условной, в связи с чем некоторые объекты могут быть рассмотрены и как ценности. Это в полной мере касается таких объектов, как «Дружба» и «Любовь». Все это позволяет нам рассматривать данный феномен во второй группе как определенную блокировку ценностей мета-уровня.

В целях определения содержательной индивидуально-психологической характеристики смысловой

сферы личности, переживающей отдаленные последствия травматического события, нами был проведен анализ различий выделенных групп.

Сравнение структуры СЖО в двух группах обнаружало различия на уровне статистически значимой тенденции между группой с признаками ПТС, испытуемые которой демонстрируют низкие показатели по всем шкалам теста, и первой группой (табл. 3). Эта тенденция просматривается по большинству шкал теста СЖО.

Таблица 3

Усредненные показатели по тесту СЖО испытуемых разных групп

Показатели СЖО	Группы		Критерий t	P
	1	2		
Общая ОЖ	106,9	92,2	2,51	0,014*
Цели	38,1	35,2	1,1	0,275
Процесс	32	25,6	3,18	0,002*
Результат	26,6	21,3	3,27	0,001*
ЛК-Я	27,5	23,7	2,29	0,024*
ЛК-Ж	31,9	25,2	3,2	0,002*

* статистически значимые различия

Представители второй группы с разной степенью выраженности посттравматических реакций, в целом склонны воспринимать свою жизнь как лишенную смысла, в отличие от исследуемых первой группы, показатели посттравматического стресса которых соответствуют нормативным. Их отличает значительно меньшая, чем испытуемых второй, удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как малоинтересного, а также неудовлетворенность прожитой частью жизни. Также испытуемым второй группы свойственно неверие в свою способность контролировать события собственной жизни и отсутствие веры в возможность свободы выбора, убежденности в том, что человеческая жизнь неподвластна сознательному контролю.

Наряду с достаточно низкими показателями практически по всем шкалам СЖО, по шкале «Цели в жизни» исследуемые второй группы демонстри-

руют показатели выше среднего (35,2), чем значительно отличаются от представителей первой (38,1). Преимущественная ориентация на цели в жизни, свидетельствующая об устремленности индивидуального сознания в будущее, при низкой удовлетворенности прожитой частью жизни и процессом настоящего характеризует исследуемого как человека, планы которого не имеют реальной опоры в действительности и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

Использование модифицированной процедуры обработки первичных показателей методики СЖО, предложенной А. В. Серым, А. В. Юпитовым [12], позволило получить следующие данные. Испытуемым двух групп присущи разные актуальные смысловые состояния (АСС), выражающиеся посредством одновременного, синхронного восприятия собственного жизненного пути (табл. 4).

Таблица 4

Процентное соотношение типов АСС испытуемых двух групп

Группы	Типы актуальных смысловых состояний								%
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	13	2	5	9	6	5	11	49	100
2	33	0	0	0	12	0	22	33	100

В первой группе наблюдается относительно широкое распределение исследуемых по различным типам АСС. Наибольшее представительство в этой группе получил 8 тип (49 %), характеризующийся высокими показателями осмысленности всех временных локусов. Причем соотношение непродуктивных и продуктивных типов (имеющих высокие показатели осмысленности более чем одного локуса) неодинаково, что свидетельствует об общей тенденции этих испытуемых к пониманию места и роли того, что происходило или может произойти, переживанию целостности и взаимосвязанности опыта.

У испытуемых второй группы было обнаружено увеличение процентного соотношения двух типов АСС за счет снижения доли остальных типов. В первую очередь, нельзя оставить без внимания распространенность в группе 1 типа (33 %), для которого характерны низкие показатели осмысленности всех локусов, и факт полного отсутствия представленности нескольких типов. Отмечено отсутствие 2 (высокие показатели осмысленности прошлого при низких показателях осмысленности остальных локусов), 3 (осмысленность настоящего при низких показателях осмысленности прошлого и будущего), 4 (осмысленность настоящего и прошлого при низких показателях осмысленности будущего) и 6 (осмысленность прошлого и будущего при низких показателях осмысленности настоящего) типов. Это указывает на то, что неудачные попытки совладания с негативными последствиями травматического события сопровождаются блокировкой процесса осмысления человеком своего прошлого, заключающего в себе содержание психотравмы, и настоящего, воспринимаемого через призму актуальности, незавершенности травматического опыта. Такое восприятие напрямую связано с неспособностью индивида установить смысловые связи между событиями, имеющими различную временную отнесенность, невозможность их рассмотрения в контексте целостной временной перспективы.

Хотя 1 тип АСС, определяющий низкую осмысленность всех периодов жизни, является одним из доминирующих во второй группе, все же доля типов с высокими показателями осмысленности будущего [5; 7; 8] достаточно широко представлена, причем 8 тип переживания встречается так же часто (33 %), как и 1 тип. На наш взгляд, это есть отличительная особенность важной стратегии преодоления травматического опыта, которая, говоря словами Ф. Ницше, может быть выражена так, что если человеку есть «зачем» жить, он может вынести любое «как».

Корреляционный анализ выявил статистически достоверные связи признаков посттравматического стрессового расстройства и смысловых ориентаций личности. Общий балл по Миссисипской

шкале отрицательно коррелирует с показателями по шкалам «Общая осмысленность жизни» ($r = -0,53$), «Цели в жизни» ($r = -0,41$), «Процесс» ($r = -0,50$), «Результат» ($r = -0,55$), а также с показателями по шкале «Локус контроля - Я» ($r = -0,42$) и «Локус контроля-жизнь» ($-0,52$). Приведенные результаты свидетельствуют о том, что ряд элементов структуры смысловых ориентаций личности имеют достоверную взаимосвязь с проявлениями посттравматического стресса.

Таким образом, в структуре смысловых ориентаций личности с признаками посттравматического стресса был обнаружен ряд противоречий между различными составляющими осмысленности жизни. Первое касается отсутствия осмысления событий прошлого и нарушения их интеграции с контекстом настоящего времени. Столкновение с травматическим событием представляет для человека утрату, пусть даже временную, какой-то части самого себя. Вместе с тем к человеку приходит не просто понимание невозвратимости прошлого, но и ощущение некоего непреодолимого «рубежа» между своим прошлым и настоящим, которое также воспринимается как лишенное смысла вследствие отсутствия какой-то реальной опоры, переживания чувства вины, необходимости строить свою жизнь на каких-то новых, пока неопределенных основаниях.

Второе несоответствие заключается в том, что наряду с утратой смысла прошлого опыта и трудностями осмысления происходящего у лиц, демонстрирующих посттравматические стрессовые реакции разной степени выраженности, наблюдается тенденция к большей смысловой нагруженности будущего и проекция в него пока еще нереализованных ожиданий. В данном случае, на наш взгляд, обнаруженный феномен может иметь следующий психологический смысл. Человек, столкнувшийся с разрушительностью травматического инцидента, переживает в связи с этим тяжелое психическое состояние, для выхода из которого он должен обеспечить себя хоть каким-то источником жизненной силы и поддержки. Крайнее сужение временных ориентаций, «выброшенность» из целостного, непрерывного потока жизни представляет настолько противоречивую ситуацию для сущности человека, что нахождение в ней продолжительное время оказывает чрезвычайно неблагоприятное влияние на развитие личности и может привести к необратимым изменениям в ее структуре. Ощущение пустоты и отсутствия смысла жизни, происходящее от осознания произошедшей потери, требует активного целенаправленного поиска возмещения утраты. Наиболее приемлемым источником ее пополнения является что-то, пока находящееся за

пределами нынешнего «себя», контекста всей предыдущей жизни и настоящего. Тем не менее такая устремленность в будущее не имеет за собой реальной опоры в настоящем.

Возможно, это позволяет человеку на время отделить от себя травматическое переживание, что обеспечивает психологическую защиту от внедрения в сознание опыта, не согласующегося с прежней системой оценок и грозящего крахом системе ценностей личности. Однако, если травматический опыт не будет осмыслен с формированием ценностного отношения и включением его в более широкую временную перспективу, результатом может явиться «фиксация» на данной ситуации. Важной задачей деятельности психики в переработке травматического опыта является не только смысловая переработка травмирующего события, формирование новых смысловых образований, но и адекватное включение этого события в более широкий смысловой контекст с формированием ценностного отношения личности.

Литература

1. Анцыферова, Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 3 – 16.
2. Васильюк, Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Васильюк. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
3. Зейгарник, Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности Б. В. Зейгарник, Б. С. Брагусь. – М.: МГУ, 1980. – 169 с.
4. Калмыкова, Е. С. Особенности психотерапии посттравматического стресса / Е. С. Калмыкова, Е. А. Миско, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 4. – С. 70–80.
5. Магомед-Эминов, М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник МГУ. Серия Психология. – 1996. – № 4. – С. 26–35.
6. Мясисев, В. Н. Психологическая наука в СССР / В. Н. Мясисев. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – Т. 2. – 372 с.
7. Серый, А. В. Система личностных смыслов: Структура, функции, динамика А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004 – 272 с.
8. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
9. E. Alison Holman. R. Cohen Silver Getting “Stuck” in the Past Temporal Orientation and Coping With Trauma // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. Vol. 74, № 5. – P. 1146 – 1163.
10. Janoff-Bulman, R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. – New York: Oxford University Press, 1998.
11. Maddi, S. R. The Story of Hardiness: twenty years of theorizing, research and practice//Consulting psychology journal. – 2002. – № 54. – P. 173 – 185.
12. Sery, A., Yupitov, A. Modification of Purpose-in-Life Test // 28 Congreso Interamericano de Psicología. - Santiago, Chili, 2001. - P. 127.

УДК 159.923.2

А. Г. Портнова, К. А. Хохлова

АДАПТАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

Наркотическая зависимость является одной из серьезных био-психо-социальных проблем современности и требует комплексного подхода к своему решению. Масштабы и темпы распространения наркомании таковы, что ставят под вопрос физическое и моральное здоровье молодежи и будущее значительной ее части. По данным на 2000 год за последние 10 лет в России субпопуляция больных росла в 3 раза быстрее, чем здоровых (М. С. Радионова, И. М. Вяльцева) [2]. Наряду с интенсивным темпом роста распространения наркомании отмечается низкая эффективность противодействующих усилий, в частности, медико-реабилитационных (С. А. Алтынбеков, А. Л. Катков, С. Р. Мусинов) [1].

Комплексная оценка аддиктивного поведения как психологического феномена, отражающего воздействие зависимости на все сферы ментальной жизни человека, требует оценки не только психологических механизмов, условий и факторов его формирования, но и анализа структуры личности. Личность человека является тем материальным суб-

стратом, через который реализуются психологические механизмы изучаемого эпифеномена, именно здесь происходит возникновение, формирование и течение зависимого поведения (Четвериков Д. В., 2002) [5].

Наиболее общим подходом к описанию телесно-психологических проблем (к разряду которых относится и явление химической аддикции) служит представление о нарушении психологической адаптации как механизме их формирования. По сути, психологическая адаптированность является синонимом душевного (и в значительной мере телесного) здоровья [4]. Такие авторы, как Ф. Перлз, Х. Хартманн, К. Хорни, К. Роджерс, В. Франкл, А. Ф. Лазурский, К. К. Платонов и др. уделяли значительное внимание вопросам взаимодействия человека с внешним миром, преодоления им трудностей и личностному росту в процессе адаптации к окружающей действительности.

В рамках адаптационной модели психологии здоровья исследуются факторы и механизмы развития личности, способствующие или препятствующие